

5. Новикова, Л. А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети Интернет [Электронный ресурс] / Л. А. Новикова // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. – 2013. – № 2. – С. 126–133. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-fenomen-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-seti-internet>. – Дата доступа : 06.12.2019.

6. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов ; под ред. А. Д. Швейцера. – М. : Воен. изд-во МО СССР, 1972. – 320 с.

Instagram posts made by English speaking celebrities contain three major structural types of both codified and non-codified abbreviations, the latter are often easily decoded by Internet users. Specific, not widely known abbreviations can be used to mark a belonging to a certain speaking community. The use of abbreviations in Instagram posts of celebrities is determined by a) the functional factor connected with feasibility and minimal efforts; b) the emotional factor reflecting the sender's emotional state; c) the identity factor allowing the message sender to demonstrate his or her social, cultural, ethnic or other background.

Поступила в редакцию 04.02.2020

М. М. Лойша

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИММЕТРИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале выступлений Д. Трампа и Ж. Болсонару)

В статье рассматривается проблема речевого воздействия в политическом институциональном дискурсе, который отражает идеологические ценности, убеждения и установки его субъектов. Исследуются различные типы нарративных стратегий в качестве языковых средств моделирования и интерпретации фрагментов действительности. Выявляются предпочтительные нарративные стратегии, а также прагматические установки, определяющие выбор нарративных стратегий и тактик в политическом дискурсе.

Современные политические, экономические и социальные процессы обусловили существенный интерес к изучению феномена речевого воздействия, который рассматривается как инструмент речевого манипулирования и средство управления массовыми коммуникативными процессами. В связи с этим для современной лингвистики актуальным является изучение роли языка в политической коммуникации, которая характеризуется значительной степенью манипулятивности. Язык рассматривается как мощное средство коммуникативного воздействия, которое наделяет адресанта способностью навязывать адресату свое видение мира, управлять интерпретацией объектов и ситуаций. Для достижения своих интенций говорящие используют конвенциональные способы коммуникации, повторяемые в данной культуре модели коммуникативного поведения, которые принято описывать в терминах коммуникативных стратегий.

Несмотря на отсутствие единства в понимании сущности *коммуникативной стратегии*, исследователи сходятся в том, что данная стратегия может быть представлена как совокупность трех компонентов: цель, средства ее достижения и план реализации цели, который связывает цель и средства ее достижения [1, с. 100]. О. С. Иссерс отмечает, что речевая стратегия реализуется не в изолированном виде, а в рамках более сложной ситуации. Еще до коммуникативного акта говорящий располагает тремя видами данных: информацией о предстоящем речевом событии, информацией о когнитивных предположениях, информацией о ситуации или контексте [2, с. 94]. Данное понимание сущности коммуникативной стратегии определяет характер ее исследований, исходящих из того, что любая речевая деятельность является достаточно структурированной. Эта структура отражается в существовании набора ходов и правил их комбинаторики, которые и предписывают порядок построения речевого эпизода. Коммуникативная стратегия рассматривается как «выбор, учет и взаимоувязывание путей, ситуаций и средств, необходимых для достижения главной цели» [3, с. 110].

Комплексная и многосоставная природа понятия коммуникативной стратегии объясняет отсутствие единой, универсальной классификации коммуникативных стратегий. Наиболее известной и цитируемой является классификация коммуникативных стратегий и тактик русской речи, предложенная О. С. Иссерс. Она делает акцент на общих и частных стратегиях, используя в качестве типологического критерия функциональную значимость стратегии. С функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Основной называется стратегия, являющаяся более значимой по своим мотивам и целям. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата [2, с. 106]. Классификация О. С. Иссерс является универсальной и может быть использована для анализа различных типов дискурса.

Несмотря на то, что в политической коммуникации существует большое разнообразие коммуникативных стратегий, в современных исследованиях политического дискурса особое внимание уделяется *нарративной стратегии*, которая, следуя классификации О. С. Иссерс, является основной когнитивной стратегией. Применение данной стратегии в качестве генеральной объясняется не только скрытым потенциалом нарратива, но и в первую очередь прагматическими установками политического дискурса.

Именно когнитивные стратегии позволяют добиться максимального эффекта воздействия на массовую аудиторию. Так, Т. ван Дейк определяет когнитивную стратегию как «способ обработки информации в памяти» [4, с. 276]. Новое знание должно быть введено в модель мира адресата таким образом, чтобы он принял его, соотнес с уже известным и осознал как свое, личное. Изучение нарративного типа коммуникации также является перспективным в связи

с общим «нарративным поворотом» культуры [5, с. 30]. Сегодня все чаще массовая информация передается от адресанта к адресату посредством рассказывания историй, построения повествовательных текстов: «Сообщение оказывается представленным в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными соглашениями. Нарративы представляют собой формы внутренне присущие нашим способам получения знания, которое структурирует наше восприятие мира и самих себя» [5, с. 33]. Как пишет Е. И. Шейгал, «для обывателя, не читающего политических документов, не знакомого с оригинальными текстами речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препарированном виде через СМИ, политика предстает как набор сюжетов. Эти сюжеты (выборы, визиты, отставка правительства, война, переговоры, скандал) составляют базу политического нарратива» [6]. На данное явление указывал Т. ван Дейк, который отмечал, что «важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [4, с. 161].

Таким образом, возникло новое понимание нарратива, согласно которому, *нарратив* – это, прежде всего, вербальное оформление и реализация устойчивых повествовательных сюжетов в конкретном типе дискурса, обусловленных прагматикой высказывания.

Для анализа нарративной стратегии нами были выбраны выступления президента Бразилии Жаира Болсонару и президента США Дональда Трампа, которые они представили на 74-ой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 24 сентября 2019 года. Данные речи являются примером *симметричной политической коммуникации*, так как оба политика являются представителями крайне правых политических взглядов. Симметричные коммуникативные отношения строятся целиком на коммуникативных моделях, выработанных политическими субъектами. В процессе интеракции они разрабатывают правила поведения, образуют определенный контекст политического взаимодействия, состоящий из набора приемлемых стратегий поведения и действий участников. Следовательно, симметричный характер коммуникации способствует появлению определенного коммуникативного этоса, ключевую роль в котором играют взаимная ответственность за реализацию политических целей и непрерывность процесса развития знания [7, с. 81]. Таким образом, в результате сравнительного анализа нарративных стратегий, используемых американским и бразильским президентами, мы можем установить, как система политических взглядов и ценностей проявляется в дискурсообразующих единицах.

Оба текста выступлений удовлетворяют основному условию, позволяющему считать их нарративами, т.е. они имеют сюжетный характер, который, однако, может быть логически разделен на три отдельных повествовательных рассказа. Так, и в речи Д. Трампа, и в речи Ж. Болсонару можно выделить следующие повествовательные сюжеты:

- 1) какой я вижу страну, президентом которой я был избран;
- 2) у нас есть враги, которые мешают процветанию страны;
- 3) являясь президентом, я уже многое сделал для блага страны.

Анализируя типы нарративов, представленные в текстах, целесообразно обратиться к классификации нарративных стратегий, разработанной Е. И. Шейгал. Она предлагает выделить три типа нарративов: *личный* (нарратив политика), *идеологический* (нарратив-доктрина), *событийный* (нарратив политических событий и ситуаций).

Личный нарратив выполняет презентационную функцию, играет важную роль в создании имиджа политика. Нам представляется необходимым расширить понимание личного нарратива, включив в него не только позиционирование политиком самого себя, но и более крупных политических субъектов. Так, например, на международной арене политические лидеры выступают в первую очередь от лица государства, формируя его имидж.

Идеологический нарратив для политической партии – это, прежде всего, некая идея или доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Данный тип нарратива есть партийный манифест. Как правило, успешные политики – это люди, которые умеют рассказывать истории.

Событийный нарратив выступает как обоснование определенного политического курса тех или иных политических акций, как объяснение сложившейся политической ситуации. Событийный нарратив нередко представляет собой определенную версию политической ситуации или события [8, с. 86–93].

Анализируя типы нарративных стратегий, использованных в создании каждого повествовательного сюжета, мы можем увидеть четко выделенную стратегию, наиболее эффективно реализующую прагматическую установку каждого сюжета и транслирующуюся многократно в выступлении как американского, так и бразильского политиков.

В создании сюжета «Какой я вижу страну, президентом которой я был избран» ведущим является идеологический нарратив, который служит отражением политической платформы политиков. Согласно этому нарративу, Бразилия и США представляются аудитории как страны, в которых главными ценностями являются свобода, независимость, суверенитет, демократия, соблюдение прав человека. Оба президента заявляют, что их страны готовы к сотрудничеству и партнерству со всеми, кто разделяет эти ценности. Например, президент Бразилии подчеркивает, что Бразилия *é um país aberto ao mundo, em busca de parcerias com todos os que tenham interesse de trabalhar pela prosperidade, pela paz e pela liberdade* ‘это страна, открытая для всего мира, в поиске партнерства со всеми, кто заинтересован в сотрудничестве для достижения процветания, мира и свободы’¹. Слова президента США перекликаются со словами его бразильского коллеги:

¹ Здесь и далее перевод приводится только для примеров на португальском языке.

America is ready to embrace friendship with all who genuinely seek peace and respect. Однако стоит отметить, что создание новой страны видится ими по-разному, что может быть обусловлено разными путями исторического развития. Эта разница в нарративе становится особенно очевидной при анализе метафорических моделей, используемых в создании желаемой картины действительности. Если Д. Трамп видит новую Америку как страну, вернувшуюся к своим истокам, т.е. истинным ценностям, которые были подменены или утрачены, то Ж. Болсонару надеется восстановить страну заново, отказавшись от наследия. В речи Д. Трампа можно выделить такие метафоры, как *we in the United States have embarked on an exciting program of national renewal; we are also revitalizing our alliances; we will rediscover old truths, unravel old mysteries.* Именно поэтому в идеологическом нарративе американского президента используются ссылки на авторитет Отцов-основателей американской нации и ее основных ценностей: *the core rights and values ... were inscribed in America's founding documents; our nation's Founders understood that ...*. В речи бразильского президента можно выделить такие метафоры, как *o Brasil que represento é um país que está se reerguendo, revigorando parcerias e reconquistando sua confiança política e economicamente* 'Бразилия, которая представляет собой страну на пути восстановления, обновляющую партнерства и возвращающую себе политическое и экономическое доверие'.

Необходимость реформирования своей страны оба президента объясняют с помощью нарратива, рассказывающего о врагах страны, обвиняя их во всех проблемах. При этом и Д. Трамп, и Ж. Болсонару опять прибегают к идеологическому нарративу, хотя в данном повествовательном сюжете также используется и личностная нарративная стратегия, которая помогает создать образ защитника Отечества. Традиционно политики выделяют внешних и внутренних врагов. Этими врагами, по их мнению, являются социализм и его идеология, социалистическое правительство Венесуэлы и его глава Николас Мадуро, социальные сетевые медиа, кубинский режим, бывшее правительство. Однако список врагов Д. Трампа более широкий и включает Иран, Китай, глобализм и его последователей. Опасность одного из главных врагов для Бразилии и США, социализма, раскрывается с помощью сюжета, где социалистическая идеология и ее последователи представляются в виде ожившей злой силы, победившей добро и поработившей некогда свободные страны: *a ideologia se instalou* 'идеология поселилась'; *a ideologia invadiu* 'идеология наводнила'; *essa ideologia sempre deixou um rastro de morte, ignorância e miséria* 'эта идеология всегда оставляла за собой шлейф смерти, невежества и нищеты'; *the specter of socialism; socialism and communism killed 100 million people; these totalitarian ideologies have the power to exercise new and disturbing forms of suppression and domination.*

В раскрытии сюжета врагов нации личностный нарратив используется, чтобы усилить эффект воздействия на аудиторию. Например, Д. Трамп рассказывает историю о встрече с главой одной из американских компаний, чтобы подчеркнуть экономический урон, который несет США в результате невыгодных экономических соглашений с Китаем (*As just one example, I recently met the CEO of a terrific American company, Micron Technology, at the White House*). Он также рассказывает о планах на будущее, чтобы подчеркнуть свою роль в борьбе с данными врагами: *tomorrow, I will join Prime Minister Abe of Japan to continue our progress in finalizing a terrific new trade deal; I will not accept a bad deal for the American people; we will enforce our laws and protect our borders.*

В отличие от своего коллеги, бразильский президент более сдержан в использовании личностной нарративной стратегии в повествовании о врагах и использует только один нарративный эпизод, где рассказывает о том, как он лично стал жертвой социалистического режима (*Sou prova viva disso. Fui covardemente esfaqueado por um militante de esquerda e só sobrevivi por um milagre de Deus* ‘Я живой этому пример. **На меня трусливо напал с ножом один из левых боевиков**, и только Божье чудо помогло мне выжить’).

Нарратив о врагах логично переходит в нарратив о собственных достижениях в борьбе с врагами и проблемами, с которыми столкнулась их страна. Соответственно, в этой части выступления преобладающей стратегией является событийная нарративная стратегия. В текстах Ж. Болсонару и Д. Трампа можно выделить, по меньшей мере, пять тем, нашедших свое отражение в событийных нарративах:

1) борьба с кубинской и венесуэльской диктатурой/социалистическим режимом (*nosso país deixou de contribuir com a ditadura cubana* ‘наша страна перестала спонсировать кубинскую диктатуру’; *trabalhamos com outros países para que a democracia seja restabelecida na Venezuela*, ‘мы сотрудничаем с другими странами для того, чтобы в Венесуэле установилась демократия’; *the United States and our partners have built a historic coalition of 55 countries that recognize the legitimate government of Venezuela*);

2) решение экономических проблем и заключение новых торговых соглашений (*em apenas oito meses, concluímos os dois maiores acordos comerciais da história do país* ‘всего лишь за восемь месяцев мы заключили два крупнейших в истории страны торговых соглашения’; *our domestic unemployment rate reached its lowest level in over half a century; we have worked closely with our partners in Mexico and Canada to replace NAFTA with the brand new and hopefully bipartisan U.S.-Mexico-Canada Agreement*);

3) борьба с терроризмом и криминалом (*o terrorista italiano Cesare Battisti fugiu do Brasil, foi preso na Bolívia e extraditado para a Itália* ‘итальянский террорист Чезаре Баттисти бежал из Бразилии, был задержан в Боливии и экстрадирован в Италию’; *medidas foram tomadas e conseguimos reduzir em mais de 20 % o número de homicídios nos seis primeiros meses de meu*

governo ‘в результате принятых мер получилось уменьшить количество убийств на 20 % за шесть месяцев моего пребывания у власти’; *following our withdrawal, we have implemented severe economic sanctions on Iran, the world's number one state sponsor of terrorism; we have taken very unprecedented action to stop the flow of illegal immigration*);

4) борьба с дискриминацией религиозных и других меньшинств (*apoiamos a criação do Dia Internacional em Memória das Vítimas de Atos de Violência baseados em Religião ou Crença* ‘мы поддерживаем создание Международного дня памяти жертв насилия, основанного на религии или вероисповедании’; *my administration launched the Women's Global Development and Prosperity Initiatives*);

5) международное сотрудничество (*ao longo deste ano, estabelecemos uma ampla agenda internacional com intuito de resgatar o papel do Brasil no cenário mundial* ‘на протяжении этого года мы выстраиваем обширную международную повестку, чтобы восстановить роль Бразилии на мировой арене’; *we have pursued bold diplomacy on the Korean Peninsula; my administration is also pursuing the hope of a brighter future in Afghanistan*).

Таким образом, анализ особенностей функционирования нарративной стратегии в политической коммуникации симметричного типа позволяет сделать следующие выводы.

Нарративная коммуникативная стратегия представляет собой инструмент целенаправленного воздействия на аудиторию посредством сюжетно-повествовательных высказываний (нарративов). В политической коммуникации в виде нарративов выступают дискурсивные образования, используемые для создания определенных идеологических посылов и установок. Актуальным примером применения стратегии нарратива в политической коммуникации по принципу симметрии является политический дискурс президента США Д. Трампа и президента Бразилии Ж. Болсонару. В результате анализа их выступлений на заседании Генеральной Ассамблеи ООН было выявлено использование президентами следующих видов политических нарративов: идеологического (нарратива-доктрины), событийного (нарратива политических событий и ситуаций) и личностного (нарратива политика), с преобладанием идеологического нарратива. Выбор нарративной стратегии определяется прагматическими установками субъекта политического дискурса и подчиняется характеру событий, проблем и ситуаций, интерпретацию которых данный субъект желает представить аудитории. Эффективность воздействия стратегии нарратива объясняется ее способностью объединять разрозненные ситуации и события в узнаваемые фреймы, создавая модели трансформации и интерпретации реальности, в которых находят отражение основные категории политической коммуникации: агенты политики, политические ценности и установки, политические действия и стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Койт, Э. М.* Понятие коммуникативной стратегии в модели общения / Э. М. Койт, Х. Я. Бйм. // Уч. зап. Тарт. ун-та. Психологические проблемы познания действительности. – Тарту, 1988. – Вып. 793. – С. 97–111.
2. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
3. *Звегинцев, В. А.* Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – М. : Либроком, 2009. – 383 с.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 308 с.
5. *Брокмейер, Й.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / И. Брокмейер, Р. Харре. // Вопросы философии, 2000. – No 3. – С. 29–42.
6. *Шейгал, Е. И.* Театральность политического дискурса / Е. И. Шейгал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm>. – Дата доступа : 11.10.2019.
7. *Абраменко, А. В.* Сетевая структура «governance» как способ симметричной политической коммуникации / А. В. Абраменко, Т. А. Подшибякина. // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 4. – С. 75–87.
8. *Шейгал, Е. И.* Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал. // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. – С. 86–93.

The article considers the issue of narration in the political institutionalized discourse. It identifies three types of narrative strategies – ideological, event-related and personal – and describes pragmatic variables that define the choice of a particular narrative strategy.

Поступила в редакцию 17.02.2020

А. В. Ломовая

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ДЕНОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается специфика образования отыменных конверсионных глаголов в современном английском языке. Выявляются новейшие тенденции производства глаголов-неологизмов: словообразовательные (структурные), семантические и синтаксические. Уточняется влияние экстралингвистических и лингвистических факторов на формирование семантики таких глаголов. Отмечается экспрессивно-стилистическая (передача положительных и отрицательных коннотаций, образности, юмора и иронии) и прагматическая (привлечение внимания читателей к заголовкам статей) функции деноминативных глаголов-неологизмов в публицистических текстах.

Неология как направление лексических исследований языка пользуется неизменной популярностью среди лингвистов, при этом в фокусе внимания оказываются не только семантические, но также психолингвистические,